

Моим родителям — за все...

И Виктории — за все остальное...

ОДИН

Джошуа почувствовал прилив адреналина, посмотрев вниз, на площадь. Он был на высоте двухсот футов, на острие шпиля церкви эпохи Регентства. Отсюда ему был виден каждый заполненный людьми уголок внизу. Знакомое ощущение от выброса адреналина разлилось по телу. Это была высшая точка напряжения любого задания, момент, когда отступить некуда; это было то, ради чего он жил.

В оптический прицел винтовки ему была видна каждая деталь. Джошуа жадно впитывал информацию, лишь на мгновения отвлекаясь на потенциальные препятствия. Менее опытному профессионалу потребовалось бы больше времени, чтобы взвесить и оценить все данные. Джошуа же был очень подготовленным.

Он отодвинулся от прицела — тот показал ему все, что мог. Вместо этого он оглядел толпу внизу невооруженным глазом. Толпа была несметная. Он не в первый раз задался вопросом о том, насколько неподходящим было место. Джошуа понимал политический аспект. Где, как не на Трафальгарской площади, лондонском памятнике военной славы, чествовать героев недавней войны на Ближнем Востоке? Однако исторический резонанс отнюдь не делал площадь более безопасной.

Хаос внизу заставил губы Джошуа искривиться в мрачной улыбке. За местностью могут следить лучшие мировые охранные структуры, но любые проблемы на их пути сыграют Джошуа на руку. В данный момент имя этим проблемам — легион.

Джошуа вновь взялся за винтовку.

Едва заметным движением ствол взметнулся вверх, а глаз Джошуа скрылся за прицелом. Пристально осмотрев крыши ближайших строений, Джошуа меньше чем за минуту обнаружил девятнадцать снайперов. Редко, можно даже сказать, в уникальных

случаях, ему это удавалось так быстро. Но, с другой стороны, это дело само было уникальным. Все предыдущие задания в длинном послужном списке Джошуа объединяло одно: необходимость скрываться, чтобы достичь цели. Но только не сегодня; сегодня Джошуа *обязан* был быть на виду. В противном случае каждому из тех девятнадцати стрелков было бы весьма интересно, куда подевался их двадцатый коллега.

ДВА

Менее чем в четырехстах ярдах, у окна, стоял Джо Дэмпси. Обзор у него был столь же прекрасный, как у Джошуа. Чего нельзя было сказать о его настроении.

Половину своей жизни Дэмпси занимался тем, что находил и нейтрализовал угрозы, предвидел непредвиденное и немислимое. Восемнадцать лет такой работы на любом оставят отпечаток, и Дэмпси не был исключением. Он всюду видел опасность и иногда задавался вопросом, выучка ли тому виной или обычная паранойя. Но сегодня такие вопросы его не волновали. Сегодня опасность была очень реальной.

— Внизу, как я погляжу, без изменений? — Мягкий голос с отчетливыми эдинбургскими переливами прервал размышления Дэмпси, и тот повернулся к говорившему.

Каллум Макгрегор сидел за единственным столом в комнате. Начальник Департамента внутренней безопасности¹ был мужчиной исполинских размеров: под два метра ростом и весом больше ста двадцати килограммов, он целиком занимал пустой стол.

Дэмпси молча подошел к начальнику. Будучи сам крупным, двигался он легко, и, придвинув стул к противоположной стороне стола, не дожидаясь разрешения, сел.

Он посмотрел Макгрегору в глаза.

— Изменений не будет, Каллум. Мы не можем контролировать столь большое и открытое пространство. — Его голос был более резким, напряженным и менее деликатным, чем у Макгрегора. Этого стоило ожидать: у Макгрегора был голос дипломата, у Дэмпси — голос, грозивший дипломату.

1. Автор использует вымышленное название организации (англ. the Department of Domestic Security). Возможно, за основу были взяты реально существующее Министерство национальной безопасности США (англ. The Department of Homeland Security) и британская Служба безопасности (англ. Security Service).

— Ты ведь знаешь, что учишь не того, Джо. Но это ничего не меняет — мы сделаем все, что в наших силах.

— наших сил недостаточно.

Ответ Дэмпси был грубоватым, но не нарушал субординации; Макгрегор был выше чином, но взаимное уважение стирало звания. Он продолжил:

— Дело не только в цифрах, там семь разных агентств, Каллум, и все работают независимо друг от друга. Бог знает зачем нам столько. Если бы мы остановились на одном, то могли бы следить за всем как следует.

— Американцы никогда не доверили бы нам охрану президента Ноулза, Джо. Это было очевидно еще до угрозы Томпсону.

Все это Дэмпси уже знал.

— А мы бы не позволили им работать в одиночку. Мы ни за что не рискнули бы потерять кого-либо из высокопоставленных лиц — президента или бывшего президента — на британской земле. То есть нянек было слишком много еще до того, как *наши* отдельные ведомства начали склочничать за место. Учитывая все это, бардак мог бы быть в разы хуже.

Дэмпси откинулся на стуле. Его раздражало, когда Макгрегор был прав, что случалось весьма часто. Но даже зная причину, совладать с фактами было непросто: на мероприятие приедут и бывший, и нынешний президенты США. Даже без британских политиков, путающихся под ногами — а они непременно будут путаться под ногами, спасибо огласке, — это не что иное, как ночной кошмар.

Если сегодня планируется теракт, подумал Дэмпси, предотвратить его сможет только чудо.

Оживший в ухе наушник прогнал эту мысль.

— Президент покинул Музыкальную комнату. Бамбук выдвинется через девять минут. По моему сигналу: три, два, один — вперед.

Секретная служба США больше ста лет охраняет президентов страны, даже тех, кто уже покинул пост. За это время технику отточили до совершенства: четыре коротких предложения — это все, что требуется, чтобы предупредить каждого агента.

Обратный отсчет пошел.

Дэмпси сверил часы, когда голос сказал ему в ухо: «Вперед». Макгрегор сделал то же самое. Эти двое видели больше боевых действий, чем среднестатистический пехотный взвод. Им доводилось выполнять тайные задания по всему миру, и по сравнению с ними сегодняшнее было плевым делом. И все же Дэмпси мучило предчувствие.

Он встал, и его рост под метр девяносто выгодно подчеркнул прямую, как шомпол, военную выправку. Благодаря росту в сочетании с мощным телосложением, которое угадывалось даже под костюмом, Дэмпси выглядел устрашающе. Картину дополняли темные пронзительные глубоко посаженные глаза и лицо, на котором лежал отпечаток жизни, прожитой в опасности. Он не был неприятным мужчиной — напротив. Но когда это было необходимо, Джо Дэмпси умел вселять ужас.

Сейчас же он встретился взглядом с Макгрегором — и все было ясно без слов: беспокойство на лице начальника было достаточно красноречивым.

Возможно, в конце концов, не у одного Дэмпси было дурное предчувствие.

ТРИ

— Президент покинул Музыкальную комнату. Бамбук выдвинется через девять минут. По моему сигналу: три, два, один — вперед.

Джошуа не мог определить акцент, с которым говорил человек, произнесший это. Откуда-то с Восточного побережья — но откуда именно? Неспособность ответить на этот вопрос беспокоила его больше, чем следовало бы. Миллионы людей по всему миру разделяли его одержимость деталями, контролем, ритуалами. Для многих это было изнурительным обсессивно-компульсивным расстройством, способным разрушить жизнь. Но для Джошуа это было чем-то иным. В его работе внимание к деталям зачастую разделяло жизнь и смерть; и в этом мире такое состояние Джошуа помогало ему быть идеальным киллером.

Джошуа сверил часы по команде «Вперед» и почувствовал обжигающий импульс, подпитываемый еще одним выбросом адреналина. Сигнал поступил из службы охраны президента и заставил Джошуа сосредоточиться. Ровно через девять минут президентский кортеж покинет Букингемский дворец, после чего проследует по Мэлу¹ и прибудет на Трафальгарскую площадь чуть менее чем через 13 минут. Секретная служба, как всегда, работала как часы.

Так же, как и Джошуа. Адреналин по-разному влияет на людей: одних он вводит в состояние «бей или беги», на других — меньшинство — нагоняет страх. И еще меньшему числу людей адреналин дает холодную ясность мысли, когда время будто замедляется, а каждый шаг обдуман, просчитан и фатален. Многие назвали бы это социопатией, если не хуже. Джошуа называл это профессионализмом.

Именно этот профессионализм и овладел им сейчас. Одним стремительным движением Джошуа бегло просмотрел крыши

1. Мэ л л — улица в лондонском районе Вестминстер, которая связывает Букингемский дворец и Трафальгарскую площадь. Была создана в начале XX века специально для торжественных церемоний с участием британских монархов.

в седьмой и последний раз — это число уже давно его успокаивало. Семь осмотров местности, семь подтверждений того, что команда на месте и каждый из снайперов находится на своей позиции. Все вместе они прикрывали Трафальгарскую площадь со всех сторон. Но ни одна из их сторон не имела значения. Только один угол обзора будет важен сегодня.

И этот угол уже был занят Джошуа.

Это была еще одна из ряда отлично спланированных заказчиком деталей. К этому моменту Джошуа иного и не ждал. Команду из двадцати снайперов, мужчин и женщин, сколотили в ходе политического перетягивания каната: половину — из антиснайперского подразделения Секретной службы США, в результате чего осталось десять мест для британского личного состава. Пятерых взяли из команды защиты¹ и пятерых — из контртеррористической команды². По крайней мере, таков был план.

В последний момент Джошуа заменил одного из старших контртеррористических сотрудников и не позволял себе думать о том, как это удалось осуществить. Разумеется, ему было любопытно, и, возможно, однажды удастся это узнать. Но сегодня ему было достаточно того, что каким-то образом он был частью той самой команды, которая должна была бы его остановить. За годы работы Джошуа нашел много способов подбираться к своим жертвам. Ни один из них не был настолько пропитан иронией.

Он повернул свой прицел обратно к площади. С тех пор, как он впервые посмотрел вниз, прошло полчаса. Толпа на территории, отгороженной от зоны для приглашенных гостей, выросла втрое, до предела. Внизу собралось две тысячи женщин, мужчин и детей, и их всех припекало не по сезону теплое октябрьское солнце.

Джошуа было все равно, десять их или десять тысяч, — его интересовал лишь один человек из толпы: маленький жилистый мужчина, одетый в поношенный твидовый костюм и сидевший в двадцать третьем ряду у прохода. В инструкции так и было написано. Кортёж все еще был в нескольких минутах езды, но объект Джошуа был на месте, и с этого момента он не покинет линию огня.

1. Protection Command — одно из подразделений службы столичной полиции Лондона (англ.).

2. Counter Terrorism Command — одно из подразделений службы столичной полиции (англ.).

ЧЕТЫРЕ

— Ты уверен, что отсюда хороший обзор? — Сара Трумэн задавала этот вопрос уже, наверное, десятый раз за последние пару минут.

— Такой же хороший, как и внутри заграждений, — ответил Джек Магуайр. — Если хочешь лучше, нужно подняться выше. А для этого нужно выйти за пределы площади.

Магуайр кивнул в сторону ближайших крыш. Сара проследила за его кивком. Мгновение она, казалось, обдумывала их варианты. На ближайшем церковном шпиле был виден стрелок, как напоминание о том, что вход во все здания рядом был запрещен.

Сара повернулась обратно к Магуайру:

— Просто кажется, будто мы немного сбоку. Будь мы прямо напротив сцены, ракурс был бы лучше, разве нет?

— Конечно. Главным образом, с лучшим видом на затылки.

Магуайр ответил отрывисто, но с улыбкой. Он мог понять ее беспокойство. Для Сары (намного больше, чем для него) сегодняшний день очень важен. Канал впервые доверил ей репортаж главных событий. Магуайр волновался бы, если бы Сара не нервничала.

— Готова к небольшой репетиции? — спросил Магуайр, фокусируя объектив.

— Готова как никогда.

Магуайр видел, что улыбка Сары была натянутой, что она старалась скрыть волнение. *Живот у нее наверняка скрутило*, подумал он, *но она справится*.

И Сара быстро доказала его правоту. Сняв резинку с аккуратного хвостика, она распустила свои длинные каштановые волосы и запустила в них пальцы. Это был ее своеобразный ритуал перед каждой съемкой, эдакий переход из закулисья на сцену; суеверие,

почти такое же бессмысленное, как кроличья лапка¹ или четырехлистный клевер².

Сара встала в центр кадра:

— За дело.

Улыбка Магуайра стала шире. Он долгие годы работал с телерепортерами и актерами, привык к их нарциссизму и потерял счет кадрам, упущенным, пока звезде поправляли макияж. Но последние два года все было иначе. Не потому, что с Сарой и смотреть было не на что. Высокая и стройная американка, она была по-своему красива и не менее привлекательна, чем предыдущие коллеги Магуайра. Сара, конечно, не была классической красавицей, но почему-то так было даже лучше. И в отличие от остальных она была абсолютно не тщеславна, по крайней мере, насколько Магуайр мог судить.

Законченный ритуал словно вдохнул в Сару новую жизнь; ее предъёмочный мандраж теперь был скрыт за искренней улыбкой и блеском зеленых глаз. Магуайр засиял от гордости.

— Чему ты радуешься?

— Ничему. Давай, начинаем.

Магуайр еще раз перефокусировал объектив, перед тем как поднять большой палец — сигнал к началу:

— Мы находимся на Трафальгарской площади в Лондоне, куда с минуты на минуту придут официальные лица, дабы почтить память тысяч погибших британцев, которые принимали участие в более чем десятилетнем конфликте в Афганистане и Ираке. В то время как Вооруженные силы Великобритании и ее союзники готовятся пересмотреть свои приоритеты и свою дислокацию, мы собрались сегодня здесь, чтобы поблагодарить тех, кто уже вернулся домой. И тех, кто пожертвовал собой, защищая наш уклад жизни. Вместе со смещением акцента в войне против терроризма на Ближнем Востоке пришло время подвести итоги достигнутого за годы жестокого конфликта. И выразить свое уважение к тем, кто так долго и тяжело сражался. А теперь, пока мы ждем...

Речь Сары затихла, заглушенная приветственными криками с юго-западной стороны площади. Это могло означать лишь одно: кортеж президента прибыл.

1. В некоторых культурах талисман, который приносит удачу.

2. В западной традиции существует поверье, что найти такой клевер, особенно случайно, к удаче.